

X. Касанова¹
J. Casanova

РЕФОРМЫ ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИИ: АНАРХИЗМ И ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА. REFORMS VERSUS REVOLUTION: ANARCHISM AND THE SECOND REPUBLIC

Аннотация: Отношения Национальной конфедерации труда (НКТ) с правительством Испанской Республики в период с 1931 по 1936 гг. отличались сложностью и испытывали значительные трансформации: от первоначальных ожиданий и надежд, связанных с Республикой, части представителей НКТ до безрезультатных восстаний и разочарований, вплоть до враждебности со стороны значительного числа анархистов. Когда все эти варианты были уже продемонстрированы, начался военный мятеж июля 1936 г. Внезапно для анархо-синдикализм возник шанс реализовать то, о чем он давно мечтал. В этот момент ситуация предоставила анархистам историческую возможность совершить революцию, воплотить в жизнь эгалитарную мечту. Восьмилетний республиканский опыт закончилась для испанского анархизма трагедий. Победа франкистов привела к уничтожению, тюремному заключению и изгнанию приверженцев анархистских идей.

---

¹ Хулиан Касанова Руис – доктор истории, профессор Университета Сарагосы, приглашенный профессор Центрально-Европейского университета. **Julian Casanova Ruiz** - Doctor of History, Professor at the University of Zaragoza, Visiting Professor at the Central European University. mail: casanova@unizar.es ORCID: 0000-0003-3524-4585

Ключевые слова: Национальная конфедерация труда, НКТ, анархизм, Испанская Республика, гражданская война, революция

Abstract: The CNT maintained very difficult relations with the Republic and experienced different states of mind, from the initial expectations of some to the useless insurrections of others, passing through the hostility of the majority of its affiliates. When all these roads were being remade, the military uprising of July 1936 arrived. Suddenly, anarcho-syndicalism found what it had sought so badly without success, with its historic opportunity to make revolution, to make the egalitarian dream come true. It is an eight-year story that ended, after the victory of Franco's army, in tragedy for Spanish anarchism, with thousands of its militants killed, in prisons or in exile.

Keywords: National Confederation of Labor (CNT), Spanish Republic, anarchism, civil war 1936-1939, revolution

---

DOI: 10.32608/2305-8773-2021-32-1-13-34

Когда 14 апреля 1931 года была провозглашена Республика, Национальная конфедерация труда (НКТ) имела уже двадцатилетнюю историю. Хотя многие отождествляли эту организацию с насилием и терроризмом, на самом деле это было далеко не главным в ее короткой истории. Миф и реальность НКТ отражали его суть как единственного революционного и анархистского профсоюза, чья эффективная деятельность помогала улаживались конфликты между работодателями и рабочими. НКТ транслировал свои классовые идеи и революционные мечты и в прессе, и на предприятиях, и на улицах. Благодаря идеологической работе и помощи трудящимся в их борьбе за свои права, были закреплены характеристики НКТ, как антиполитической, антипарламентской и антигосударственной организации, то есть профсоюза прямого действия, независимого от политических партий и стремящегося революционным образом преобразовать общество.

Среди обобщающих исследований по истории НКТ можно выделить «С улицы на фронт. Анархо-синдикализм в Испании, 1931–1939»², «Земля и свобода. Сто лет анархизма в Испании»³,

---

² Casanova, 1997.

«Борьба за Барселону. Класс, культура и конфликт, 1898–1937»⁴, «Анархисты. Век либертарного движения в Испании»⁵. Из недавно вышедших работ надо отметить книгу Анхеля Эррина «Дорога к анархии. НКТ во времена Второй Республики»⁶.

Критика НКТ в адрес государства и политических партий была подвергнута испытанию с провозглашением Второй Республики и, прежде всего, с приходом в правительство (впервые в истории Испании) представителей социалистов и Всеобщего союза трудящихся (ВСТ). Отстраненные от политического представительства руководители НКТ, особенно те, кто занимал значимое место в организации с начала 1932 г., сохраняли идейную стойкость и приверженность анархистским идеалам, противостоящим демократическому и республиканскому проектам. Тут явно проявилась испанская атипичность — существование массового антиполитического синдикализма, способного отстаивать свой путь в кулуарах политических и парламентских институтов. В остальной Европе аналогов такого профсоюзного движения на тот момент не существовало.

Отношения НКТ с правительством Испанской Республики в период с 1931 по 1936 гг. отличались сложностью и испытывали значительные трансформации: от первоначальных ожиданий и надежд, связанных с Республикой, части представителей НКТ до безрезультатных восстаний и разочарований, вплоть до враждебности со стороны значительного числа анархистов.

Когда произошел военный мятеж в июле 1936 года анархосиндикализм внезапно столкнулся с тем, к чему он так всегда безуспешно стремился, то есть с исторической возможностью совершить революцию, превратить эгалитарную мечту в реальность.

---

³ Casanova (ed), 2010.

⁴ Ealham, 2005.

⁵ Marín, 2010.

⁶ Herreroín, 2019

Мобилизация и социальный протест

Республика открыла множество возможностей для революционного синдикализма НКТ, повергнувшегося десятью годами ранее испытанию как со стороны анархистов, так и со стороны приверженцев диктатуры Примо де Ривера. Провозглашение Республики позволило НКТ, прежде всего, в новь занять значимое место в обществе и возобновить мобилизацию своих сторонников, в соответствии с теми практиками, которые были характерны для республиканцев, социалистов и анархистов с начала XX в. Это были демонстрации с флагами и музыкой революционных гимнов и, прежде всего, митинги: те большие собрания, где смешивались идеи, партийные принадлежности, пропаганда и подстрекательства к революционным действиям. Для НКТ провозглашение Республики было «политическим фактом», который необходимо превратить в «революцию, по существу преобразующую все политические и экономические ценности», с соответствующими средствами и характеристиками анархизма: прямое действие и борьба на улице.⁷

Республика, для которой «воля народа» была предпочтительнее «монархии по милости Божией», отстаивала многие ценности, но, прежде всего, свободу. НКТ, в свою очередь, не верила, что республиканские правительства изменят структуру социальных классов, но поддерживала, по крайней мере, установку Республики на демократические свободы, которые способствовали защите интересов рабочего класса. Эта установка была зафиксирована в начале республиканского периода в главных печатных органах НКТ и Федерации Анархистов Иберии (ФАИ), само существование которых, во многом, стало возможно благодаря провозглашению Республики.

---

⁷ CNT: Memoria del Congreso Extraordinario de la CNT celebrado en Madrid del 11 al 16 de junio de 1931. Cosmos: Barcelona, 1931. P. 180-181.

Несмотря на то, что заявления такого рода всегда сопровождалось утверждением антипарламентского и революционного характера НКТ, ее отказ бороться с республиканским режимом с самого начала отражал иллюзии, пронизывавшие атмосферу Испании в то время, когда король Альфонсо XIII был вынужден покинуть трон. Гало Диес видел это очень ясно и сказал об этом своим коллегам на Внеочередном Конгрессе НКТ, состоявшемся в Мадриде в июне 1931 г., через два месяца после провозглашения республики. Тогда было выражено осознание необходимости говорить с людьми не только о революционных мечтах, но и «об их желаниях, их нуждах, их несчастьях, их правах». По сравнению с диктатурой Республика предлагала гораздо больше возможностей и поэтому было неразумно терять сторонников. По мнению Гало Диес, большинство испанцев, поддерживавших Республику в тот момент «радовались как дети» и самым разумным было «дождаться, пока иллюзия Республики иссякнет, а затем вместе с разочаровавшимися республиканцами отправиться по пути к лучшему будущему».⁸

В этот период НКТ воспользовалась свободой и надеждами начального периода, чтобы укрепить организацию. Сначала рост был значительным, и на пике, в конце 1931 г, профсоюзы НКТ насчитывали около 800 000 членов. Июньский Конгресс 1931 г. был первым, проведенным Конфедерацией после конгресса 1919 г. и подтвердил ее идеологические установки. В работе Конгресса участвовало множество анархо-синдикалистов, которые не хотели упустить эту историческую возможность для легализации и роста профсоюзного движения.

---

⁸ El Luchador // Memoria del Congreso Extraordinario de la CNT celebrado en Madrid los días 11 al 16 de junio de 1931. P. 191-192. При этом оппозиция Республике почти не проявлялась в этот момент в либертарных СМИ, что подтверждают исследования этого вопроса, см.: Barrio, 1988. P. 317-318; Montañés, 1989, P. 47-49; А. Уселай да Каль использует термин «медовый месяц» для описания атмосферы примирения, которая окружала начало существования Республики в промышленной Барселоне, см.: Ucelay da Cal, 1982. P. 135.

Те, кто занимали свои основные руководящие должности в НКТ, не были, по словам Хуана Гарсиа Оливера, «усталыми рабочими», которые отказались от «революционного активизма» и «захватили» должности, используя преследование нонконформистов. Это были анархо-синдикалисты, которые серьезно относились к организации, ее повседневной борьбе и ее утопическим мечтам, которые организовывали восстания в годы Первой мировой войны и участвовали в построении идеологии профсоюзного движения на его основных конгрессах (1918, 1919, 1931 гг.)⁹. Среди них надо выделить Анхеля Пестанью, Элеутерио Кинтанилью, Хосе Вильяверде и Хуана Пейро. Теперь, наконец, в провозглашенной Республике, они смогли получить результат непрерывной борьбы, которая велась на заводах, в мастерских, на собраниях профсоюзов и казалась бесполезной во время диктатуры Примо де Ривера. НКТ удалось добиться результата благодаря времени, потраченному на пропаганду, реорганизации профсоюзов и выходу из подполья газет и журналов.¹⁰

Но «медовый месяц» с Республикой длился недолго. Республика была установлена в Испании в разгар беспрецедентного международного экономического кризиса, и, хотя экономические факторы, как видно из исследований, не определили ее трагического конца, они, без сомнения, осложнили управление и реализацию реформ. Борьба за контроль над предприятиями, за разделение профсоюзного влияния и конфронтация вокруг корпоративной структуры, предложенной Франсиско Ларго Кабальеро, нашли выражение в анархистской агитации, забастовках и ожесточенных столкновениях между двумя профсоюзами, уже отстоявшими свое место в среде рабочего класса.

Всеобщий союз трудящихся (ВСТ), сотрудничающий с правительством, занимал все более обширное пространство в области трудовых отношений. НКТ восприняла это как вмешательство, значительно ограничившее ее поле

---

⁹ Oliver, 1978. P. 114.

¹⁰ Ibid.

деятельности, и выбрала прямые действия на улицах как форму борьбы и выражение конфронтации с государством. Радикальный сектор НКТ призывал к революции, волнениям и восстаниям. Эта борьба вызвала взаимные обвинения и оскорбления и противопоставила Республике значительную часть организованного рабочего класса.

Организованные НКТ волнения и конфликты в городах и сельской местности очень скоро предоставили возможность доказать, что силы правопорядка, особенно Гражданская гвардия, действуют с такой же жестокостью, как и в период монархии. В первый год Республики произошли десятки конфликтов, которые распространились на города, такие как Бадахос и на небольшие населенные пункты, кажущиеся спокойными, такие как Арнедо (Ла-Риоха) и Эпила (Сарагоса). При пассивности властей в результате столкновений с Гражданской гвардией, стрелявшей по митингующим, произошло множество смертей.

Радикальный сектор анархистов сделал воспринял эту ситуацию как повод для мобилизации против Республики и против руководства самой НКТ. Тезис «преступление как метод правления» начал распространяться в либертарных СМИ по мере обострения конфликтов с лета 1931 г. И в январе 1932 г., после событий в Арнедо¹¹, когда одиннадцать человек погибли, риторика о пролитой пролетарской крови заполнила анархистские СМИ.

От протеста к восстанию

За два года анархисты спровоцировали три попытки вооруженного восстания, которые получили поддержку рабочих и крестьян. Первые две были направлены против коалиционного правительства республиканцев и социалистов, созданного после провозглашения Республики. Третья, приведшая к наибольшему количеству жертв, произошла в декабре 1933 г., через несколько дней после того, как правые, в

---

¹¹ См.: Gil Andrés, 2002.

лице Алехандро Лерруса и Хосе Марии Хиля Роблеса победили на выборах.¹²

19 января 1932 г. шахтеры из Сан-Корнелио в каталонском Фиголсе начали забастовку и захватили оружие. Затем конфликт распространился на другие города. Сила, характеризующая этот конфликт, не имела ничего общего с последующими восстаниями 1933 г., организованные руководящими группами НКТ и ФАИ. Суровые условия в шахтах (продолжительный рабочий день, отсутствием безопасности на глубине), несбывшиеся ожидания, связанные с надеждой на изменения с приходом Республики, борьба за права и свободу собраний и ассоциаций, которые даже с учетом новой политической ситуации не были признаны, создали серьезный источник недовольства, выразившийся в восстании, начавшимся утром 19 января 1932 г. По сути, это была просто забастовка с надеждой изменить условия труда, хотя часть восставших провозгласила либертарный коммунизм. Убежденные, что победа будет только в том случае, если им удастся захватить оружие и таким образом противостоять реакции на забастовку руководства шахт, они разоружили Соматен и начали патрулировать улицы.

На следующий день сопротивление распространилось на другие прибрежные города. В Берге, Сальенте, Кардоне, Бальсерани, Наваркле и Сурии шахты остановились, магазины закрылись. В Манресе пикеты рабочих закрыли доступ к фабрикам и мастерским. Прерывание телефонной связи и замена республиканских флагов на красные и черные в некоторых мэриях этих населенных пунктов ознаменовали собой нечто большее, чем просто объявление забастовки.¹³

---

¹² Заявления против Республики, которые ясно показывают этот поворот в либертарном движении в последние месяцы 1931 г., можно увидеть на страницах таких изданий как *Tierra y Libertad*, *El Luchador* и в *Boletín de la CNT*, 5 (febrero-abril 1932).

¹³ Сведения об этом конфликте содержатся: *Acta de la reunión del Comité Regional de la CNT de Cataluña del 5 y 8 de febrero de 1932* (протоколы хранятся в *Archivo General de la Guerra Civil, Salamanca*, carpeta 501 de Barcelona). В дополнение к этим протоколам, см.: *Tierra*

Правительство Мануэля Асаньи приказало покончить с восстанием военным вмешательством. 22 января в Манресе прибыли первые военные подкрепления из Сарагосы, Лериды, Жироны и Барбастро. 23 января они заняли все деревни в этом районе, кроме Фиголса. Туда они прибыли на следующий день и выяснили, что шахтеры взорвали порох и скрылись в горах. 25 января был восстановлен порядок, а шахтеры уволены. Их соседи, выступавшие против конфликта, участвовали в репрессиях.

Иллюзии шахтеров были разрушены. Беспорядки в шахтах закончились очень скоро. Не было ни грабежей, ни упразднения частной собственности, ни убитых. Однако Национальный комитет НКТ, охваченный желанием «устроить революционную забастовку», звучавшим в речах некоторых профсоюзных лидеров Барселоны, согласился на своем заседании 23 января (когда шахтерское восстание уже подошло к концу), «отдать приказ о забастовке по всей Испании», осознавая все его последствия. Отозвались лишь немногие представители в Валенсии и Арагоне, в то время как на подавление беспорядков были брошены военные силы, размещенные в Барселоне и Сарагосе. 27 января все было кончено.¹⁴

Год спустя, в январе 1933 г., НКТ, из которого уже дезертировали и были изгнаны несколько десятков тысяч членов, вернулся к деятельности по организации восстаний, забастовок и взрывы вновь прозвучали в некоторых городах Арагона и Валенсии. Армия и полиция занимали стратегические позиции в городах, где ожидалось беспорядки, в результате профсоюзные лидеры были арестованы, обвинения и упреки в их адрес множилось.

у Libertad, 6 de febrero de 1932; El Luchador, 29 de enero 1932; Solidaridad Obrera, 20 y 21 de enero 1932; Boletín de la CNT, 5(febrero-abril 1932) у 6 (mayo 1932). Исследование этих событий с привлечением устных источников: Borderías, Vilanova, 1983. P. 187-199.

¹⁴ Las Actas de las reuniones del Comité Nacional de la CNT de los días 22, 23 y 24 de enero de 193; Boletín de la CNT, 6 (mayo 1932).

Когда все казалось законченным, начали поступать новости о беспорядках в провинции Кадис, где анархистские группы и местные комитеты обороны угрожали порядку в Херес-де-ла-Фронтера, Алькала-де-лос-Газулес, Патерна-Де-Ла-Ривера, Сан-Фернандо, Чиклана, Лос-Барриос и Санлукар. Телефонная линия была оборвана, группы крестьян, связанных с НКТ, заняли позиции рано утром 11 января 1933 г.

После нескольких вооруженных столкновений силы порядка под командованием капитана штурмовой гвардии Мануэля Рохаса убили двенадцать крестьян. Кроме того, в результате столкновения были убиты девятнадцать мужчин, две женщины и ребенок. Трех охранников постигла та же участь. Достоверность указанных фактов становилась известна с большой задержкой, потому что первые версии событий связывали гибель всех крестьян с конфронтацией с силами порядка. Но трагедия Второй Республики уже началась.¹⁵

Правительство, получавшее обвинения за чрезмерную жестокость в подавлении восстания со стороны левых и правых, уклонялось от ответственности. «Вы не найдете и намек на ответственность правительства», — заявил Асанья в своей речи перед Кортесами 2 февраля 1933 г, — «в Касас-Вьехас произошло не то, о что известно, а то, что должно было произойти». Столкнувшись с «вооруженным мятежом против общества и государства», у правительства не было другого рецепта, даже если существовал риск того, что какой-то сотрудник сил правопорядка выйдет за рамки «своих функций».¹⁶

История повторилась: после восстания НКТ провела остаток года, протестуя против арестов участников восстаний и усиленно готовила новую революцию, которая, в результате, снова приняла форму еще одного прерванного восстания.

---

¹⁵ См.: Mintz, 1994. P. 189-255.

¹⁶ См. речи Асаньи: Asaña, 1966. Асанья приводил аналогичные аргументы 23 и 24 февраля, а также 7 и 16 марта. Его размышления и беседы с лицами, непосредственно ответственными за репрессии, где он воспроизводит разговор с Рохасом, в котором он отрицал убийства заключенных, см.: Asaña, 1980. P. 546-563.

8 декабря, в день открытия заседания Кортесов, после триумфа центра и правых на ноябрьских выборах и перед лицом слухов о росте революционного движения, губернатор Сарагосы Эльви́ро Ордиалес приказал закрыть все центры НКТ. На следующий день, в субботу, столкновения и перестрелки произошли в центре города и сопровождались всеобщими забастовками торговцев и водителей такси, трамваев и автобусов. Также были попытки поджечь монастыри.

Инциденты продолжались до 14 декабря, во многих городах региона разгорелась борьба между властями и бастующими. В некоторых местах это фиксировались призывы к изменению порядка и присоединение к революционному движению, а в других были попытки провозгласить либертарный коммунизм. Таким образом события разворачивались в Уэске, Теруэле и Ла-Риохе. За пределами основной зоны влияния повстанческое эхо распространилось до отдельных мест в Эстремадуре, Андалусии, Каталонии и шахтерском бассейне Леона. К 15 декабря все закончилось.

Восстание, завершившее попытки установления либертарного коммунизма, длилось пять дней, но оставило больше всего трагических следов: 75 убитых и 101 раненый среди забастовщиков; 11 гражданских охранников были убиты и 45 ранены; 3 штурмовика были убиты и 18 ранены. НКТ была сломлена, хотя двумя годами ранее обещала стать силой, обладающей мощным революционным импульсом.

Трагическими событиями, сопровождавшие эти анархистские восстания, обернулось столкновение с вооруженными силами. При этом не было никаких эксцессов или антиклерикальных акций, анархисты не проявляли насилия против владельцев предприятий и символов экономической эксплуатации, если не считать некоторых представителей верхов, против которых анархизм нацелился во время революции июля 1936 г. Однако тот факт, что насилие не применялось, не умаляет революционного характера попыток захвата власти. За ним стоял, по сути, отказ от репрезентативной институциональной системы и вера в то, что

сила-единственный путь к ликвидации классовых привилегий и злоупотреблений властью.

То, что подготовка и осуществление этих восстаний была делом рук анархических групп трудно оспорить. За этой революцией не стояли и не могли стоять массы крестьян или рабочих. Те, кто участвовал в повстанческом движении, не имели способностей к его организации. Надо отметить и то, что организовывать было особо нечего. Одно дело – забастовка, конфликт из-за плохих жилищных условий, несоблюдение правил работы или протест против репрессий, и совсем другое — вооруженное восстание. Действия, полностью оторванные от обычной трудовой практики, основанной на синдикализме, где и заключалась сила НКТ, не могли поддержать умеренные профсоюзные деятели, которые были вытеснены из руководства именно за отказ принять тактику открытого противостояния республиканской власти, которую они считали ошибочной и самоубийственной.

Дело и в том, что цикл восстаний способствовал открытию ран, которые были нанесены летом 1931 г., когда лидеры НКТ подписали «манифест тридцати»¹⁷, в котором они критиковали «упрощенную, классическую и несколько кинематографическую концепцию революции», установленную в некоторых группах ФАИ и так называемых активистов во главе с Буэнавентурой Дуррути, Франсиско Аскасо и Хуаном Гарсиа Оливером. Для подписавших этот манифест, среди которых были Анхель Таба, Джоан Пейро, Хуан Лопес и Франсиско Арин, бунт должен был уступить место предусмотрительности, дисциплине и организации.

Забастовки, восстания, конфронтация с Республикой и споры за власть открыли этап взаимных обвинений и упреков между различными сторонами конфликта, особенно между упомянутыми «тридцатью» и ФАИ, стремившимися контролировать важные мобилизационные ресурсы, которыми НКТ располагал в некоторых городах Испании. Десятки тысяч

---

¹⁷ «Манифест Тридцати» был опубликован в барселонской газете L'Opinió, 30 августа 1931 г.

анархистов отказались от подчинения из-за того, что это было неприемлемо для либертарных идей. Это была позиция, которую занял Анхель Пестанья при создании Синдикалистской партии. За ним последовали лишь немногие, он возмутил и рассердил многих своих коллег, но открыл новый путь, который в условиях стабильности на выборах и без разрыва, принесенного гражданской войной, мог бы произвести заметные изменения в неудачных попытках отношений между профсоюзными движениями и политикой.

После восстания в декабре 1933 г. НКТ погрузилась в глубокий кризис, разделенная и не имеющая ресурсов, чтобы предложить надежные альтернативы продвижению правых. После окончания периода повстанческого движения, в течение двухлетнего периода правления радикалов и Испанской конфедерации автономных правых (CEDA), интенсивность оскорблений и клеветы уменьшилась. На Национальном пленарном заседании региональных комитетов в январе 1936 г. астурийское представительство обратилось с просьбой «пригласить оппозиционные профсоюзы вновь присоединиться к НКТ». За исключением группы Пестаньи, почти все, кто в начале республиканского этапа был в руководстве НКТ, вернулись (во главе с Хоаном Пейро). В общей сложности 69 621 член и 85 профсоюзов присоединились к организации на Конгрессе, состоявшемся в Сарагосе в мае 1936 г.¹⁸

Победа коалиции Народного фронта на выборах в феврале 1936 года позволила НКТ занять значимое место в жизни общества, мобилизовать свои членские организации и реорганизовать свои силы. Вновь открывались рабочие центры. Пресса НКТ сталкивалась с цензурой, но не подвергалась приостановкам. Майский конгресс 1936 г. в Сарагосе, на котором смогли собраться 649 делегатов, представляющих 988

---

¹⁸ Здесь речь идет о астурийской и галисийской инициативе, ознаменовавших конец раскола, см.: Actas del Pleno Nacional de Regionales de la Confederación Nacional del Trabajo, celebrado en Madrid los días 26, 27, 28, 29, 30 y 31 de Enero de 1936. Archivo Guerra Civil Salamanca, F. 1434-bis.

профсоюзов и 559 294 членов организации, снова дал поводы для оптимизма и даже эйфории.¹⁹

Военный мятеж в июле 1936 г. резко изменил эту ситуацию. Перед лицом гражданской войны, последовавшей за мятежом, протестный синдикализм и критика власти оказались бесполезными. Как только этот механизм военного восстания и революционного ответа был приведен в действие, право говорить было только у оружия.

Война и революция

Военное восстание не свергло республиканское правительство, но, вызвав глубокий раскол в армии и силах безопасности, разрушило его сплоченность и заставило пошатнуться. Председатель правительства, Сантьяго Касарес Кирога, опасаясь революции и народных беспорядков, которые могли возникнуть, приказал гражданским губернаторам не раздавать оружие рабочим организациям. Однако, он уже мало что мог сделать, потому что события происходили стремительно. Касарес Кирога ушел в отставку вечером 18 июля. Утром 19 июля поручение сформировать правительство принял Хосе Хираль, друг и доверенное лицо Президента Республики Мануэля Асаньи.

В этом новом правительстве были только левые республиканцы, практически те же, кто уже был с Касаресом Кирогой, но именно Хираль сделал решающий шаг по вооружению наиболее преданных делу рабочих и республиканцев, которые вышли на улицы, чтобы бороться с мятежниками там, где это позволяла верность некоторых военных командиров или нерешительность других. Мадрид и Барселона были здесь отличными примерами, то же происходило в Валенсии, Хаэне и Сан-Себастьяне.

Республиканское государство, потеряв монополию на оружие, не могло помешать там, где были разгромлены военные мятежники, развернуться внезапному

---

¹⁹ Solidaridad Obrera, 7 de mayo de 1936.

революционному процессу, направленному на уничтожение привилегий отдельных социальных групп. Улицы были заполнены вооруженными мужчинами и женщинами, новыми действующими лицами, многие из которых были известны их энергичной оппозицией существованию самого республиканского государства. Они сражались не для того, чтобы защитить Республику, которая, по их мнению, уже упустила свой шанс, а для того, чтобы совершить революцию. Они хотели прийти с революцией туда, где республика не успела провести реформы. Poleмика и дебаты уступили место действиям с оружием в руках.

Контрреволюционный переворот, пытавшийся обуздать революцию, дал ей возможность реализоваться. Анархисты видели, как их мечты исполнялись. Это продолжалось недолго, но события лета и осени 1936 г. были ближе всего к тому, что они считали революцией и коллективизированной экономикой. Не имело значения, что эта революция унесла жизни тысяч людей. Необходимое разрушение устаревшего порядка было чем-то незначительным, по сравнению с «экономической и социальной реконструкцией», начатой в июле 1936 года, не имевшей прецедентов в мировой истории. Все складывалось в счастливый образ земного рая, который передавала анархистская литература, а также заявления Буэнавентуры Дуррути иностранным корреспондентам и прессе, которую могли читать барселонские рабочие и ополченцы на арагонском фронте.

В реальности, эти политические и социальные преобразования лета 1936 г., включая создание и организацию ополчения, считавшиеся высшими проявлениями народной власти, всегда сопровождалась насилием. Оно было направлено на консервативных политиков, военных, помещиков, буржуев, торговцев, духовенство, рабочих с умеренными идеями, католиков, техников и начальников штабов различных отраслей промышленности. Прежде чем строить новый мир, необходимо было устранить социальное зло и его носителей.

Поэтому в первые недели войны «охота на мятежников», защита революции и преследование ее противников были

явлениями неразрывно связанными. На практике было очень трудно провести разделительную черту. Волна насилия началась с ликвидации тех, кто участвовал в мятеже против Республики, продолжилась как неотложная задача по подавлению контрреволюции и привела к вопросу о революционном законе и порядке.

Наконец пришло время, когда народ освободился от своих цепей и многие с энтузиазмом разделяли эту экстремистскую риторику. Очищающий огонь с особой яростью поражал духовенство. От этических упреков и оскорбительных установок, общих для антиклерикальной культуры республиканцев, социалистов и анархистов с начала XX в., было решено перейти к действиям.

Именно поэтому революция вызывает противоречивое отношение. Для одних она деструктивный и радикальный захват. Для других – демонстрация способностей эффективного самоуправления рабочих в промышленности и крестьян в сельском хозяйстве.

Эта амбивалентность, присутствующая во всех революционных явлениях и в периодах социальных трансформаций, часто сопровождалась войнами и насилием. Испанская революция, которую анархисты считали исключительно своей, отличалась наличием народной милиции, коллективизацией и комитетами.

Народная милиция была самым важным выражением того, что анархисты называли «вооруженным народом», колоннами, состоящими из рабочих, крестьян, а также армейских и силовых подразделений, не поддержавших мятеж. Ополченцы доминировали в первые месяцы войны на обширных территориях, создавали революционные комитеты в деревнях, через которые они проходили, сводили счеты с правыми и духовенством, распространяли коллективистскую революцию. Все высшие руководители этих анархистских колонн, начиная с Дуррути и Рикардо Санса, который занял после смерти Дуррути его место во главе будущей 26-й дивизии, до Антонио Ортиса, Киприано Мера и Грегорио Джовера, который командовал 28-й

дивизией-колонной «Аскасо», были «людьми действия», членами основных анархистских групп ФАИ.

Эта революционная атмосфера лета 1936 г. распространила свое влияние и на распространение крестьянской коллективизации. Общая эксплуатация сельскохозяйственных угодий была организована в основном на землях убитых или бежавших владельцев, а также в поместьях, захваченных вооруженными группами и революционными комитетами. Очевидно, что применение этих практик было наиболее интенсивно в районах, выбранных колоннами в качестве операционного центра.

Коллективизация могла быть внедрена только в результате развала существовавшего ранее порядка, последовавшего за государственным переворотом, и она не были естественным результатом толчка или интенсивной социальной борьбы, хотя до июля 1936 г. такие практики оставили больший след в Кастилии-Ла-Манча и Андалусии, чем в каталонских, валенсийских и арагонских землях. В этих областях теперь происходили изъятия земель, которые преобразовывались в коллективные владения.

Эта инверсия общественного строя также отразилась в промышленной Каталонии. В начале революция принесла хаос и дезорганизацию, когда собственники, директора и менеджеры были вынуждены покинуть предприятия, опасаясь за свою судьбу. Пробил час профсоюзов или, если быть точнее, тех членов НКТ, которые уже проявили себя в социальной борьбе республиканских лет.

Многие анархисты считали, что с разрушением действующего законодательства и сменой владельцев предприятий революция свершилась. События июля 1936 г. привели к мощному росту НКТ. В Каталонии, в восточной половине Арагона и в некоторых регионах Валенсии ее давние члены считали себя абсолютными хозяевами ситуации. Они были вооружены, ничто и никто не мог их остановить. Газета *Solidaridad Obrera*, которая с началом революции бесплатно распространялась на улицах Барселоны, вскоре достигла апогея своего издания, население жаждало свежих новостей о войне и

революции. Тираж газеты резко вырос: вместо 31 000 экземпляров в начале июля стало 70 000 через несколько дней после мятежа и 150 000 в конце августа.²⁰

Но какими бы разрушительными и радикальными не были события летом 1936 г., революционный процесс только начался. Факты быстро показали, что горизонт не так ясен, как казалось. После нескольких недель, в течение которых большинство политических организаций одобряли или делали вид что одобряют революционные формы выражения народной власти и ниспровержение старого порядка, очень скоро стало ясно, что революционный процесс или то, что другие определяли как борьбу с мятежом, превратилось в гражданскую войну. Это была борьба за политическую власть, за военное превосходство, за контроль над оружием, за восстановление государства, ослабленного военным мятежом и народной революцией.

Анархисты в правительстве

Хосе Хираль, будучи премьер-министром, не являлся представителем этой новой социальной и политической мобилизации, ставшей ответом на военный мятеж, направленный как против республиканского государства, так и против многочисленных революционных сил. В этом хаотическом сценарии лета 1936 г. Хиралью пришлось уйти в отставку и уступить место социалисту Франсиско Ларго Кабальеро, который сформировал правительство 4 сентября 1936 года. Это было первое и единственное правительство в истории Испании под председательством рабочего лидера, и впервые в западноевропейской стране в него вошли коммунисты, но то, что к ним присоединились анархисты, стало еще более экстраординарным событием.

Итак, 4 ноября 1936 г. четыре лидера НКТ вошли в состав нового правительства находящейся в состоянии войны Республики под председательством Ларго Кабальеро. Это было

---

²⁰Tavera, 1992. P. 90-91.

«знаменательное событие», как заявила в тот же день *Solidaridad Obrera*, главный печатный орган НКТ, так как анархисты никогда не доверяли самому институту государственного правительства, а также это был первый прецедент в мировой истории. Анархисты в государственном правительстве – неповторимый и значимый факт.

Немногие выдающиеся деятели испанского анархизма тогда выразили негативное отношение к этому факту, не было и широкого сопротивления со стороны членов НКТ. Кровавое, революционное и мифическое лето 1936 г. уже закончилось. Радикальные анархисты и умеренные профсоюзные деятели, которые сталкивались и конфликтовали в первые республиканские годы, теперь были вместе, стремясь получить поддержку, необходимую для реализации их планов и политических амбиций. Они были заинтересованы в том, чтобы не оставлять механизмы власти и вооруженной борьбы в руках других политических организаций, как только стало ясно, что происходящее в Испании — это война, а не торжество революции.

Национальный комитет НКТ выбрал четырех человек для работы в составе правительства. Это были Федерика Монтсени, Хуан Гарсия Оливер, Хуан Пейро и Хуан Лопес. Эти анархистские лидеры представляли два основных сектора, которые боролись за превосходство в анархо-синдикалистском движении в республиканские годы: НКТ и ФАИ. Хоан Пейро и Хуан Лопес, ставшие министрами промышленности и торговли, были представителями тех оппозиционных профсоюзов, которые, после исключения из НКТ в 1933 г., вернулись в лоно организации незадолго до военного мятежа. Хуан Гарсия Оливер, новый министр юстиции, был символом «человека действия», революционных повстанческих действий. Федерика Монтсени, министр здравоохранения, была обязана своим возвышением семье, так как была дочерью Федерико Уралеса и Соледад Густаво, а также своему пер, которое она заточила в годы Республики, чтобы атаковать от лица непримиримого анархизма всех реформистских предателей. Интересно и то, что

она хотела стать первой женщиной-священником в истории Испании.

От участия членов НКТ в правительстве осталось мало следов. Они вошли в состав правительства в ноябре 1936 г. и покинули правительство в мае 1937 г., мало что успев сделать за шесть месяцев. Гораздо более значим символический смысл присутствия четырех анархистов в правительстве, чем их законодательная деятельность. Характерно и то, что, поскольку революция и война в итоге были проиграны, эти министры лишились достойного упоминания в официальной истории победителей. Но и коллективной памяти побежденного и находящегося в изгнании либертарного движения этот правительственный опыт воспринимался негативно.

Таким образом, при сведении счетов с прошлым игнорировалось то, что было необходимым и положительным в этом уникальном событии. Необходимым, потому что события революции и войны, вынудили анархистов трансформировать доктрины и взгляды, которые исторически их идентифицировали. Положительным, потому что защита ответственности и дисциплины, символом которой стало участие в правительстве, улучшила ситуацию в тылу, предотвратила возможный большой масштаб бесполезного кровопролития и способствовала смягчению противостояния с республиканскими институтами.

Надо отметить и другую специфику, касающуюся самих анархистов – членов правительства. Так, «активный анархист» Гарсиа Оливер, организовывал народные суды и создавал трудовые лагеря вместо того, чтобы убивать на месте заключенных-мятежников. Жоан Пейро, профсоюзный деятель с многолетним стажем, отвечал за регулирование интервенций и захватов предприятий военной промышленности. Федерика Монтсени, женщина, которая оказалась на недостижимой ранее вершине политической власти (факт, отрицаемый Франко на протяжении десятилетий) и где она могла руководить здравоохранением, направленным на профилактическую медицину, борьбу с венерическими заболеваниями, в то же

время поддерживала евгеническую реформу аборт (тема, которая до сих пор вызывает общественные споры).

Трагические события мая 1937 г. в Барселоне, по сути, «гражданская война» внутри республиканцев, в результате которой на улицах остались десятки убитых и раненых, ускорили утрату политической и вооруженной власти анархо-синдикалистов. Это политическое насилие в тылу было лучшим доказательством того, что у Республики неслась в себе серьезную проблему внутренней разобщенности, что стало реальным препятствием на пути к победе в войне. Республиканцы окончательно потеряли надежду на победу из-за дисбаланса материальных сил двух сторон, из-за международной политики невмешательства, из-за помощи франкистам со стороны нацистской Германии и фашистской Италии, из-за профессиональных навыков франкистских военных подразделений, а также из-за политических конфликтов, которые всегда сопровождали Республику. Раскол республиканцев, как выяснилось в мае 1937 г., был чрезвычайно глубоким, возникшую пропасть преодолеть было очень сложно.

Еще задолго до поражения в войне революция для анархистов уже перестала быть неизбежным ориентиром, той разрушительной силой, которая уничтожила летом 1936 г. старый порядок. Революция исчезла из повестки НКТ, и даже из речей и заявлений.

С весны 1938 г. для анархистского движения, фактически, началась фаза ликвидации. Территория, которую нужно было защищать, становилась все меньше и меньше. Некоторые либертарные газеты не смогли пережить эти трудные месяцы и закрылись до конца войны. Трудности возникли даже у *Solidaridad Obrera*, которая пережила свой золотой век в первые месяцы революции. С мая 1937 г. начала заканчиваться бумага, газета, олицетворявшая силу НКТ, постоянно испытывала давление цензуры. 24 марта 1939 г. вышел ее последний номер. Несколькими днями позже, 14 февраля, в одном из помещений на улице *Consell de Cent*, начала издаваться *Solidaridad Nacional*. *Diario de la Revolución Nacional Sindicalista*.

Все было кончено. После захвата армией Франко всей территории Республики, социальный порядок был восстановлен с той же скоростью, с которой он был свергнут. Тюрьмы, казни и ссылки загнали анархо-синдикализм в тупик, из которого он уже не смог выйти.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Azaña M.* Memorias políticas y de guerra. Vol. II. Barcelona: Crítica, 1980.
- Azaña M.* Obras completas. Vol. III. Mexico: Oasis, 1966.
- Barrio Á.* Anarquismo y anarcosindicalismo en Asturias (1890-1936). Madrid: Siglo XXI, 1988.
- Borderías C., Vilanova M.* Cronología de una insurrección: Figols en 1932 // Estudios de Historia Social, 24-25 (enero-junio 1983). P. 187-199.
- Casanova J.* De la calle al frente. El anarcosindicalismo en España, 1931-1939. Barcelona: Crítica, 1997.
- Casanova J. (ed).* Tierra y Libertad. Cien años de anarquismo en España. Barcelona: Crítica, 2010.
- Ealham C.* La lucha por Barcelona. Clase, cultura y conflicto, 1898-1937. Madrid: Alianza editorial, 2005.
- García Oliver J.* El eco de los pasos. Barcelona: Ruedo Ibérico, 1978.
- Gil Andrés C.* La República en la plaza: los sucesos de Arnedo de 1932. Logroño: Instituto de Estudios Riojanos, 2002.
- Herrerín A.* Camino a la anarquía. La CNT en tiempos de la Segunda República. Madrid: Siglo XXI, 2019.
- Memoria del Congreso Extraordinario de la CNT celebrado en Madrid del 11 al 16 de junio de 1931. Barcelona: Cosmos, 1931.
- Montañés E.* Anarcosindicalismo y cambio político. Zaragoza, 1930-1936. Zaragoza: Institución Fernando el Católico, 1989.
- Marín D.* Anarquistas. Un siglo de movimiento libertario en España. Barcelona: Ariel, 2010.
- Mintz J.R.* The Anarchists of Casas Viejas. Indianta University Press, 1994.
- Oliver J.G.* El eco de los pasos. Barcelona: Ruedo Ibérico, 1978.

Tavera S. Solidaridad Obrera. El fer-se i desfer-se d'un diari anarcosindicalista (1915-1939). Barcelona: Col·legi de Periodistes de Catalunya, 1992.

Ucelay da Cal A. La Catalunya populista. Imatge, cultura i política en l'etapa republicana (1931-1939). Barcelona: Edicions de La Magrana, 1982.